

Политические партии: основные подходы к определению понятия, природа и функции

Т. В. Растимешина¹, А. С. Епифанов²

¹ *Национальный исследовательский университет «МИЭТ»*

² *Московский государственный областной университет (МГОУ)*

Авторы анализируют основные подходы к определению политической партии. Они приходят к следующему заключению: в объем узко определяемого понятия попадают исключительно парламентские партии, что делает этот подход неприменимым для рассмотрения всех организаций, традиционно именуемых партиями в российской политической науке. Рассматриваются основные подходы к классификациям политических партий. Особое внимание уделено концепции К. Джанды, которая характеризуется как методологический инструмент, открывающий широкие возможности анализа каждой конкретной партии в составе российской партийной системы.

Ключевые слова: политическая партия; политический процесс; власть; борьба за власть; партийная система; институционализация; проблемная ориентация; идеология; избирательная система.

Политическая партия является ключевой категорией современной общественной науки. Для российской науки специфика этой категории связана также с тем, что второй этап становления многопартийной демократической, плюралистической по своей сути системы России (в широком смысле), насчитывающей более ста лет [1; 2], начался относительно недавно: в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Соответственно, можно предположить, что становление российской многопартийности и демократический транзит — два неразделимых процесса, которые связаны сложными переплетениями взаимных пересечений и зависимостей. Это обстоятельство объясняет самый пристальный и глубокий интерес российских ученых к проблемам партий, многопартийности, становления и развития различных типов партийных систем.

Партия (протопартия) как основная институциональная единица борьбы за власть и осуществления власти привлекала внимание еще античных исследователей. Слово *партия*, исходя из латинской этимологии, обозначает часть целого (социального, политического организма). Так, еще Аристотель говорил о политических группировках, в основе образования которых лежит социальная принадлежность их членов, благодаря чему мы можем составить представление о сущности античных партий, которые, вероятно, являли собой сплоченные группы людей, представлявших на различных политических «площадках» интересы определенных социальных слоев.

Партия как группа сторонников властвующей или стремящейся к власти династии нашла отражение в работах Н. Макиавелли. Вместе с началом современной истории партий, совпавшей

с периодом становления буржуазии как политического класса и началом ее борьбы за власть в пространстве традиционных европейских монархий, начался современный этап научной рефлексии партии как политического института, воплотившейся в классических трудах Т. Гоббса, Дж. Локка, Ш. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо. Интерес к партиям как особым общественным, социально-политическим единицам, обладающим весомой субъектностью в политической истории, проявляли европейские мыслители Г. В. Ф. Гегель, И.-Г. Фихте, Дж. Милль, Д. Юм и др.

С середины XIX в. стали оформляться первые теории политических партий. Последние стали рассматриваться не только как институты — субъекты политического процесса, но и как субъекты агрегации и артикуляции политических интересов политических классов и социальных групп, генераторы и трансляторы новых и традиционных политических идей и идеологических систем. В научном интересе к политическим партиям стал весомо проявлять себя и прикладной компонент, исследователей стали интересовать проблемы идеологий, вопросы партийного строительства (К. Маркс, А. Бебель, Г. Плеханов).

Сегодня длительная история самого феномена политической партии и его научной рефлексии обуславливает существование множества подходов к определению сущности этого понятия. Так, только отечественная наука располагает более чем двумястами определениями партии [3, с. 5]. Вместе с тем целостные теории политических партий оформились в науке относительно недавно: с выходом в свет работ таких ученых, как Р. Михельс, М. Вебер, М. Я. Острогорский.

Одним из первых укоренившихся в науке подходов к пониманию сущности партий является *структурный подход*,

традиции которого восходят к работам М. Я. Острогорского и Р. Михельса. В фундаментальной работе «Демократия и политические партии» Острогорский рассматривает появление партий в контексте таких глобальных исторических тенденций, как промышленная революция и возникновение всеобщих выборов [4]. Со своей стороны, Михельс, сформулировав «железный закон олигархии», доказал закономерность, в соответствии с которой власть, принадлежащая рядовым членам партии, концентрируется в руках отдельных представителей партийного руководства [5].

Традиции структурного подхода находят продолжение в трудах виднейшего теоретика партологии М. Дюверже. Одной из фундаментальных работ, без ссылок на которую немыслима ни одна из современных теорий партий, является его труд «Политические партии», опубликованный в 1951 г. В нем досконально рассмотрены проблемы генезиса политических партий, выявлена их институциональная сущность, оценена их роль в институциональной структуре политической системы демократического общества и доказана роль в демократических, в первую очередь выборных, политических процессах. Как отмечает И. В. Котляров: «М. Дюверже в анализе политических партий шел не от программных заявлений, идеологических призывов, обращенных к населению, а от внутренней структуры, организационных принципов строения политических партий, специфики их возникновения» [6, с. 41]. Дюверже также предложил ставшую классической классификацию политических партий и партийных систем. Вместе с тем он не без оснований ставил проблему неприменимости закономерностей, описывающих сущность и тенденции функционирования политических партий западных демократий,

для описания и анализа монопартийных политических систем социалистического лагеря.

Комплексный структурно-функциональный подход, в рамках которого анализ функциональных признаков партии сочетается с описанием их структуры, также получил широкое распространение в науке. Один из его видных представителей З. Нойманн определял партию как «организацию политических агентов общества, которая связана с контролем правительственной власти и которые соревнуются за народную поддержку с другой группой или группами» [7, с. 396]. Структурно-функциональный подход глубоко укоренен и в российской науке. Так, еще Ю. С. Гамбаровым партии определялись как «свободные общественные группы, образующиеся внутри правового государства для совместного политического действия на почве общих всем объединенным индивидам интересов и идей» [8, с. 1].

Однако и в приведенных структурно-функциональных определениях можно увидеть, что они не охватывают все активные группы, действующие в политическом процессе и позиционирующие себя как партии. В определенном смысле эти дефиниции игнорируют заявление В. И. Ленина о том, что «есть такая партия», произнесенное в ответ на реплику социал-демократа И. Церетели о том, что в России нет политической партии, которая смогла бы взять власть в свои руки [9, с. 267]. Заявление Ленина сводилось, по сути, к декларированию еще не доказанного политической практикой, но вскоре получившего эмпирическое подтверждение обстоятельства, что партиями следует считать и «те структуры, которые способны эффективно влиять на происходящие в обществе

процессы, отвечать за сложившуюся в стране ситуацию, предлагать выход из кризисного состояния» [6, с. 41].

По пути поиска главной атрибуции через ключевую функцию партии, через определение ее роли в политических процессах идут представители *функционального подхода*, которые могут понимать функцию партии как предельно широко: «...достижение определенной социальной или политической цели» [10, с. 5], так и довольно узко: «...стремление путем выборов или помимо выборов продлить полномочия народа или его части, чтобы осуществить политическое господство над данным учреждением» [11, с. 3—4]. В функциональном подходе заключен значительный исследовательский потенциал, поскольку партия — самый активный субъект политического процесса, а функциональный подход «делает акцент на политических действиях, вероятно, совершаемых партией» [11, с. 2].

Определение партии как субъекта, участвующего в выборах, и акцентуация электоральной функции в качестве наиболее значимой — одни из центральных методологических течений функционального подхода. Тем самым его сторонники фактически полностью связывают политическую жизнь партии исключительно с электоральным процессом и процессом легитимного и легального участия во власти через выборные органы. В этом пункте нашего анализа различных подходов к определению партии мы снова выходим на проблему «вывода» за пределы многих определений и, соответственно, из предметного пространства научного изучения тех организаций, которые, по заявлению Ленина, «есть», причем ощутимо и мыслимо: они не только активно участвуют в политических процессах, но и осуществляют государственные перевороты. Возможно, они

не являются субъектами, через которые граждане выражают свои интересы и мнения, но они не могут не считаться группировками, через которые граждане действуют¹.

Как отмечалось выше, еще Дюверже обращал внимание на проблему узкого и широкого понимания категории «политическая партия». Эта проблема в науке пока не снята и нет такого общепринятого определения, под которое подпадали бы «все претендующие на это название организации» [12, с. 39]. Поэтому значительная часть ученых — классиков политологии, заведомо отступаясь от амбициозной задачи формулировки универсального определения, изначально отказываются включать в число партий организации, осуществляющие государственную власть в монопартийных политических системах. Они называют партиями исключительно институционализированные организации, участвующие в свободных выборах и стремящиеся участвовать в осуществлении государственной власти на конкурентной основе (Э. Даунс, З. Нойманн, А. Шлезингер и др.).

Вместе с тем даже сторонники такого узкого (так называемого европоцентричного) подхода к определению партии отмечают, что он исключает из пространства политологического анализа партии «наций-государств», монопартии, «антисистемные партии» (функционирующие в неправовом поле и применяющие в политической борьбе преимущественно неконвенциональные методы), а также небольшие партии, не участвующие в выборах из-за отсутствия даже теоретической возможности преодолеть установленный процентный барьер.

¹ См. высказывание М. Я. Острогорского: «Группировки граждан во имя политических целей, которые называют партиями, необходимы везде, где граждане имеют право и обязаны выразить свое мнение и действовать» [4, с. 14].

Соответственно, общая теория политических партий не может основываться на узком подходе к определению партии, независимо от того, лежит ли в его основе структурный или структурно-функциональный анализ, поскольку «именно от определения зависит, замыкается ли исследование на чисто состязательных партиях, действующих в демократических системах, или приобретает более универсальный характер, включая однопартийные системы, антисистемные или подрывные партии» [13, с. 24]. Действительно, «многие исследователи американских партий были бы, подобно Шлезингеру, вполне удовлетворены узким определением, связанная с которым “общая теория” применима лишь к состязательным партиям» [13, с. 24], однако при анализе роли партии в политических процессах в России отечественные исследователи «нуждаются в более широком определении, которое могло бы лечь в основу теорий, раскрывающих роль партий в соответствующих политических системах» [13, с. 24].

Попытки сформулировать широкое определение партии поставили перед учеными задачу «свести» в одном определении политические группы, участвующие в процессах «разделения» власти (прежде всего в выборах, даже безальтернативных), и одновременно провести четкую грань между собственно партиями и группами давления, военизированными группировками, общественными организациями и т. д. При этом определение должно включать в себя лишь атрибутивные свойства партии. Широкие определения, в частности, сформулировали М. Дюверже, К. Джанда, Л. Эпштейн и др.

В частности, Джанда в работе «Сравнение политических партий: исследование и теория» предложил в качестве методологической основы для построения теории политических партий

сравнительный анализ 158 организаций, «претендующих на название партии», из 53 стран, осуществленный им и его коллегами в рамках международного проекта по кросс-национальному исследованию политических партий. Джанда сформулировал определение, в соответствии с которым партией следует считать организацию, «которая проводит линию на открытое завоевание ее представителями государственных позиций» [13, с. 32]. Это определение, не претендующее на абсолютную универсальность, тем не менее достаточно широкое для того, чтобы рассматривать в рамках предложенной Джандой методологии все организации, традиционно именуемые партиями в российской политической историографии.

Джанда также предлагает один из базовых в этой методологии критериев классификации политических партий: применяемую партией основную *стратегию* борьбы за власть, которая может быть *состязательной, сдерживающей* или *подрывной*. Действительно, определение Джанды и эту классификацию можно «распространить на захват большевиками власти в 1917 г., использование Народной социалистической партией Кубы захвата власти Фиделем Кастро, установление баасистского режима в Ираке после военного переворота 1968 г. и ограничения на свободные выборы, к которым прибегала Институционально-революционная партия в Мексике» [13, с. 39]. В методологии Джанды, с одной стороны, как подрывные, так и сдерживающие партии на основе четкого критерия могут быть отделены от состязательных (которые преимущественно оказываются в центре внимания при применении узких европоцентричных подходов); с другой стороны, подрывные (революционные) и даже авторитарные партии могут быть сопоставлены с состязательными и плодотворно проанализированы

в рамках одного методологического пространства с применением одних и тех же категорий и терминов.

В рассматриваемой работе Джанды предлагаются базовые параметры политических партий, которые описываются с помощью следующих социологических категорий: институционализация, проблемная ориентация, социальная поддержка, организационная сложность, централизация власти, автономия, согласованность, вовлеченность, стратегия и тактика, правительственный статус. Прежде чем остановиться на главных из них, отметим, что далеко не все категории получили поддержку научного сообщества, однако предложенная методология расширяла возможности исследования партий и не только нашла применение в работах других авторов, но и получила плодотворное развитие благодаря идеям, теоретическим разработкам и анализу эмпирических данных, предложенным другими исследователями.

Институционализацию Джанда определяет как «процесс, посредством которого партии упрочиваются, приобретают значение и устойчивость» [13, с. 46]. Категория «институционализация» позволяет рассматривать каждую политическую партию в развитии, в различных фазах — от возникновения замысла партии у ее основателя до создания, стабилизации и прочного укоренения в политической системе. Кроме того, благодаря критерию институционализации, которая является не только процессом, но и оценкой состояния партии, исследователь может отделить партию, реально существующую и «материализованную в общественном сознании», от партий-фантомов. Категория «институционализация» развивается такими инструментальными, с точки зрения перспектив анализа политических партий, категориями, как «уровень» и «факторы»

(Р. Роуз, Т. Маки), «условия» (А. Панебьянко), а также значимыми теоретическими положениями. Так, согласно идеям М. Уэлфлинг [14], высокий уровень институционализации всех партий системы смягчает социальные конфликты и способствует стабильности.

Проблемная ориентация — это программная позиция партии и ее руководства по ключевым проблемам политической и общественной жизни государства и нации в целом. В определенном смысле это наиболее широкое понимание идеологической характеристики партии. Проблемная ориентация наиболее органично выявляется с использованием традиционной для европейской политической науки «право-левой» шкалы, в подтверждение инструментальности которой Джанда приводит следующий факт: в 1984 г. группа ученых под руководством Каслса и Мэера предприняла попытку ранжировать 119 партий из 17 стран, и каждой партии нашлось место на «право-левой» шкале, что привело исследователей к выводу, что эта шкала является методом анализа партий, «исходя из обобщенных стандартов, а не сугубо страновых критериев» [13, с. 51].

«Право-левая» шкала позволяет выявить основные тенденции эволюции партий в XX в.: с одной стороны, как правило, партии имеют четкое место на этой шкале и маркируют его своими декларациями в программных документах и конкретными политическими действиями; с другой стороны, во второй половине XX в. часть партий Европы проявила тенденцию к деидеологизации, универсализации, как бы начав медленное движение к центру шкалы. Эта тенденция, по мнению некоторых ученых, сужает сферу политического конфликта в пространстве идеологии.

Российские ученые, применяя метод количественного анализа и математического моделирования изменения политического спектра, смогли проследить динамику его изменений во времени и выявить наличие закономерности, связывающей тенденции изменения политического спектра с политическими процессами в России. В частности, использование методики количественного анализа позволило С. С. Сулакшину обосновать предположение о наличии «оптимальной» для России и протекающих в ней политических процессов ширины диапазона политического спектра партий, представленных в политических процессах и связанных с реальной борьбой за власть и осуществлением власти. Так, Сулакшин и коллеги показали на математической модели ту ширину политического спектра, которая сопровождает устойчивое поступательное развитие политических процессов. Вместе с тем значительное расширение спектра сопровождается кризисы и конфликтные политические процессы — революции, перевороты, тогда как сужение — периоды реакций и стагнаций [15; 16].

Помимо право-левого ранжирования, традиционная методология позволяет разделить партии на проблемно ориентированные (имеющие четкую идеологическую ориентацию) и ориентированные на решение преимущественно структурных проблем (этнических, религиозных, региональных, феминистских и экологических).

Социальная поддержка. Этот параметр описания политической партии укоренен в самых глубинных пластах европейской науки. Еще Аристотель акцентировал роль политической партии, связанную с защитой социальных интересов стоящей за ней социальной группы. По мнению многих ученых, наиболее глубоко и убедительно роль политических партий

в обозначении социальных границ обосновали С. М. Липсет и С. Роккан. В этом параметре также заложен важный инструментальный компонент — в определенном смысле граница между партией и группой интересов может быть проведена по следующей линии: первая прежде всего агрегирует интересы, тогда как вторая отстаивает их, хотя эта тенденция и не всеобща.

Организационная сложность и власть. В первую очередь Джанда отмечает значимый и пока мало использованный социологами и политологами потенциал теории организации для анализа партий и партийных систем, констатируя, что «специалисты по сравнительному анализу партий уделяют мало внимания хорошо разработанной в литературе теории организаций» [13, с. 54]. Сам Джанда, опираясь на классические работы Дюверже, с одной стороны, и осмысливая исследования по теории организации, с другой, смог выделить два основных аспекта организационной структуры партии: собственно организованность и централизацию власти, хотя и не проследил связи между ними.

Автономия, которую Джанда определяет как «структурную независимость партии от других институтов и организаций, действующих внутри или за пределами страны» [13, с. 54] и которая разрабатывается также в трудах Дж. Сартори и А. Панебьянко, служит важным инструментом установления степени зависимости — независимости партии от ресурсов (денежных средств, авторитета, лидера и т. п.), контролируемых другими организациями. Эта категория является ключевой при определении такого структурного элемента российской политической системы, как партия власти.

Понятие источника финансирования играет для российской партийной системы не столь важную инструментально-методологическую роль. Джанда

приводит эмпирические данные, в соответствии с которыми лишь около четверти партий демократических партийных систем существуют и развиваются полностью на собственные средства. Есть все основания предполагать, что в партийной системе современной России действует та же закономерность. Кроме того, знание об источниках финансирования партии позволяет ответить на вопрос, является ли оно главной причиной бюрократизации партии и утраты ею политической автономии. Сам Джанда отмечает: «Государственное финансирование способствует идеологизации новосозданных партий (по крайней мере, так обстоит дело в Израиле), и кроме того, партии легко к нему привыкают и уже не могут без него обходиться» [13, с. 58].

Рассмотрение источников пополнения в качестве критерия классификации партий тоже восходит к классической концепции Дюверже и также важно для понимания природы автономии — неавтономии партий. Дюверже отмечает, что партии, пополняемые через участие в другой организации или институциональной структуре (профсоюзе, конфессии, городской общине и т. д.), менее автономны, чем пополняемые через прямое добровольное членство. Вместе с тем следует иметь в виду, что некоторые партии не практикуют формального членства и считают своими членами всех представителей своего электората и всех, сочувствующих партии.

Источники и состав руководства, безусловно, являются важной характеристикой партии, но до последнего времени она не положена в основу ни одной из классификаций и сравнительных исследований партий.

Критерий *согласованности* определяется Джандой как «степень соответствия между установками и поведением членов

партии» [13, с. 69], однако исследование этой степени крайне затруднительно для ученых, поэтому данный критерий обычно анализируется на поведенческом уровне, через «измерение» сплоченности и фракционности членов партии.

Стратегия и тактика. Как отмечалось, этот критерий позволяет включать в число партийных организаций и те, которые наряду с состязательной стратегией и тактикой используют сдерживающие и подрывные методы и приемы борьбы за власть и осуществления власти. Будучи важным критерием анализа и классификации партий, стратегия и тактика могут рассматриваться и как переменные. Так, на стадии становления отечественной партийной системы и либеральные партийные организации, и организации социал-демократического крыла участвовали в организации стачек, забастовок и демонстраций для дестабилизации политической обстановки и влияния на политическую систему. Однако те же партии, приняв участие в выборах в Государственную Думу, стали функционировать как состязательные.

Здесь необходимо подчеркнуть следующее обстоятельство: несмотря на то, что рассмотрение партийной стратегии в качестве переменной открывает широкие перспективы для анализа функционирования каждой отдельной партии в ее развитии, нужно признать, что половина европейских партий является состязательными: они зародились как таковые и функционируют с использованием преимущественно и даже исключительно состязательных тактик и технологий.

Правительственный статус — это понятие, отражающее степень инкорпорированности партии в национальную политическую систему, участия в осуществлении реальной политической власти. Джанда пишет: «Выявление

правительственного статуса партий осуществляется в ходе анализа их «электоральной мощи и политического значения» [13, с. 71]. В открытой политической системе, в которой взаимоотношения партий строятся на основе конкуренции за голоса избирателей, наиболее простым способом измерения правительственного статуса партий является подсчет поданных за них голосов и количества членов партии в представительских и исполнительных органах власти. Соответственно, правительственный статус партии в плюралистической партийной системе включает в себя два основных компонента: электоральный успех и участие в правительстве. Данный подход можно экстраполировать и на российскую партийную систему, однако так называемые партии власти изначально инкорпорированы во власть, как бы образуя внутри политической системы замкнутую саму на себя подсистему, «вещь в себе». Это делает принятые американскими и европейскими учеными количественные методы анализа неприменимыми для сравнительного анализа правительственного статуса всех российских партий.

Таким образом, концептуальная модель Джанды является инструментом качественного анализа каждой конкретной партии и сравнительного анализа партий в одной или нескольких партийных системах на основе двух основных критериальных блоков: места партии в политическом пространстве и потенциала влияния партии на властные процессы. Мы столь подробно остановились на концепции Джанды в связи с тем, что она является одним из основных компонентов методологической базы нашего исследования.

По пути поиска конституирующих — атрибутивных — признаков партии шли и другие ученые, предложившие теоретический взгляд на политическую

партию как на субъекта — носителя определенных «маркеров». Так, Дж. Лапаломбара [17] считает, что каждая партия обладает следующими признаками:

- является носителем идеологии;
- представляет собой организацию, т. е. продолжительное по времени объединение людей;
- ставит цель завоевания и удержания власти;
- пытается обеспечить себе поддержку народа.

Вместе с тем нельзя не отметить, что даже такой подход может получить ограниченное применение при анализе российской партийной системы. В частности, партии власти имеют размытые идеологические основы, как правило, позиционируясь в центре «право-левой» шкалы. Что касается «продолжительности во времени», то, как отмечается в концепции Джанды, это один из критериев институционализации партии, однако, во-первых, не единственный, а во-вторых, в отношении продолжительности существования в науке нет единства мнений.

Естественно и закономерно, что в отечественной науке оформились свои подходы к выделению атрибутивных признаков политических партий. Так, Ю. А. Юдин [18, с. 37—46] выделяет следующие атрибутивные признаки организации, отсутствие одного из которых не позволяет говорить о ней как о партии:

- 1) ориентация на участие в политическом процессе в целях завоевания власти;
- 2) наличие у членов партии общих политических взглядов и ценностей, артикулированных в программном документе;
- 3) институционализация (наличие постоянной формальной структурной организации).

Нам в целом близок предложенный Юдиным подход, однако второй признак неприменим к некоторым партиям (в частности, к партиям власти или к расколотым на фракции партиям, идеология и программные документы которых непрерывно меняются из-за неспособности членов партии прийти к полному взаимопониманию по всем вопросам национального значения).

В концепции А. С. Автономова политическая партия предстает в первую очередь политическим институтом, претворяющим в жизнь интересы определенного класса через борьбу за власть, участие в ее осуществлении или иное воздействие на ее осуществление [19, с. 221]. В целом такого рода определения, с одной стороны, основываются на широком подходе к определению партии, но с другой стороны, классовая детерминированность как базис образования политической партии в современной России, на наш взгляд, не является конституентом партии.

С опорой на концепцию Дж. Лапаломбары историк и политолог Т. В. Шмачкова также выделяет четыре атрибутивных признака партии:

- 1) наличие идеологической составляющей деятельности;
- 2) наличие многоуровневой организации, существующей длительное время;
- 3) нацеленность на завоевание и осуществление власти;
- 4) стремление завоевать популярность и поддержку в массах [20].

В трудах российских ученых есть и более детализированные, и более широкие списки атрибутивных признаков политических партий [21; 22; 23], причем их определение остается едва ли не основным направлением научного поиска сущности этого политического

института в отечественной науке. Обобщая выделенные российскими учеными признаки, С. Е. Заславский с соавторами акцентируют следующие признаки политических партий:

– партия — разновидность общественного объединения;

– партия — это иерархическая институционализируемая организация, длительно и устойчиво функционирующая на основе дисциплины и субординации;

– партия сочетает в себе активную деятельность политическую субъектность и программно-мировоззренческий компонент: партия обладает весомой политической субъектностью, образ действий партии имеет идеологический базис, идеология партии артикулирована в программных документах;

– партия нацелена на конвенциональное присутствие во власти, в первую очередь через представительство в органах власти;

– партия нуждается в поддержке граждан [24, с. 42].

Сегодня государство стремится к оформлению нормативных рамок политического процесса через кодификацию условий и норм деятельности всех субъектов политики. В соответствии с действующей редакцией Федерального закона № 95-ФЗ «О политических партиях», политическая партия — «это общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления» [25, ст. 3]. Законодатель предъявляет следующие требования к партии:

а) политическая партия должна иметь региональные отделения не менее чем в половине субъектов Российской Федерации, при этом в субъекте Российской Федерации может быть создано только одно региональное отделение данной политической партии;

б) в политической партии должно состоять не менее пятисот членов политической партии <...>;

в) руководящие и иные органы политической партии, ее региональные отделения и иные структурные подразделения должны находиться на территории Российской Федерации [25, ст. 3].

Они не несут сущностной нагрузки с точки зрения теории политической партии, но их исключительную важность для правоприменителя не следует отрицать.

Литература

1. *Барабанов М. В.* Из истории становления и развития политических партий и многопартийности в России: сб. науч. работ. М.: МГОУ, 2010. 256 с.
2. *Зотова З. М.* 100 лет российской многопартийности. М.: РЦОИТ при ЦИК РФ, 2006. 236 с.: портр.
3. *Зотова З. М.* Политические партии и избирательный процесс. М.: РЦОИТ, 2002. 174 с. (Современные избирательные технологии).
4. *Острогорский М. Я.* Демократия и политические партии / Отв. ред. и авт. вступ. ст. А. Н. Медушевский. М.: РОССПЭН, 1997. 640 с. (История политической мысли).
5. *Michels R.* Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. 2nd ed. N. Y.: The Free Press, 1968. 380 p.
6. *Котляров И. В.* Социология политических партий. Минск: Белорусская наука, 2011. 388 с.
7. *Modern Political Parties. Approaches to Comparative Politics / Ed. by S. Neumann.* Chicago: University of Chicago Press, 1956. XII, 460 p.
8. *Гамбаров Ю. С.* Политические партии в их прошлом и настоящем. Изд. 2-е. СПб., Тип. Альтшулера, 1905. 48 с. (Всеобщая б-ка Г. Ф. Львовича).

9. **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений / Ред. М. Я. Панкратова. 5-е изд. Т. 32: Май — июль 1917. М.: Изд-во политич. л-ры, 1962. 605 с.: ил.
  10. **Берлин П. А.** Политические партии на Западе: их доктрины, организация и деятельность. СПб.: [Б. и.], 1907. 267 с.
  11. **Lawson K.** The Comparative Study of Political Parties. N. Y.: St. Martin's Press, 1976. XIII, 261 p.
  12. **Шлезингер А. М.** Циклы американской истории. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. 685 с.
  13. **Janda K.** Political Parties: A Cross-National Survey. N. Y.: The Free Press, 1980. LIX, 960 p.
  14. **Welfling M. B.** Models, Measurement and Sources of Error: Civil Conflict in Black Africa // American Political Science Review. 1975. Vol. 69: December. P. 871—888.
  15. **Сулакишин С. С., Бабченко О. С.** Мониторинг и прогноз политического процесса методами спектрального анализа (ч. 1). М.: Научный эксперт, 2005. 62 с.: ил.
  16. **Сулакишин С. С., Бабченко О. С., Строганова С. М.** О возможностях прогнозирования и управления развитием общества и государства (конструирования будущего) (ч. 2). М.: Научный эксперт, 2006. 32 с.
  17. **LaPalombara J.** Politics within Nations. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1974. XII, 626 p.
  18. **Юдин Ю. А.** Политические партии и право в современном государстве. М.: Форум: ИНФРА-М, 1998. 285 с. (Б-ка сравнительного права).
  19. **Автономов А. С.** Правовая онтология политики: к построению системы категорий. М.: Инфограф, 1999. 383 с.: ил.
  20. **Шмачкова Т. В.** Мир политических партий // Полис. Политические исследования. 1992. № 1-2. С. 226—233
  21. Политические партии России: история и современность / Под ред. А. И. Зевелева и др. М.: РОССПЭН, 2000. 631 с.
  22. **Кулик А.** Партийная демократия: политические партии в формировании открытого общества на Западе и в России. М.: Магистр, 1997. 48 с. (Проблемы формирования открытого общества в России; Политика и право).
  23. **Малов Ю. К.** Введение в теорию политических партий (обзор идей и концепций). М.: Русский мир, 2005. 171 с.
  24. Основы теории политических партий / С. Е. Заславский, А. Ю. Ашкеров, М. А. Бударагин [и др.]. М.: Европа, 2007. 261 с. (Политучеба).
  25. Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях»: принят Государственной Думой 21 июня 2001 года // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] /КонсультантПлюс. Сор. 1997—2016. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (дата обращения: 03.03.2017).
- Растимешина Татьяна Владимировна** — доктор политических наук, профессор кафедры философии, социологии и политологии (ФСИП) МИЭТ. E-mail: rast-v2012@yandex.ru
- Епифанов Андрей Сергеевич** — аспирант МГОУ. E-mail: aspirantura@mgou.ru